Праздник под ключ

Место для гостя

18+

Юлия Логачева

Юлия Логачева

Место для гостя

«Автор»
2026

Логачева Ю.

Место для гостя / Ю. Логачева — «Автор», 2026

Василиса Мирская готовит выпускной губернаторского лицея: банкет в ресторане на набережной, теплоход до утра, салют на рассвете. За три дня до праздника кто-то заказывает на банкет лишнее место – «Ветлугина М. О. + гость». Марина Олеговна Ветлугина, учительница литературы, ушла с прошлогоднего выпускного, а утром ее нашли в Волге.Убрать карточку Василисе советуют настойчиво. Она не убирает. В разгар вечера в зал входит женщина в желтом плаще, директор роняет бокал, а к утру, пока все смотрят на салют, сам директор пропадает с теплохода.Полиции удобнее считать, что он был пьян и упал за борт. Родители требуют вернуть деньги, банк отменяет заказ, агентство вот-вот останется крайним. Василисе придется понять, кому в лицее так выгодно молчать и что на самом деле случилось год назад у старого дебаркадера.Иронический детектив с романтической линией. Вторая книга серии «Праздник под ключ», можно читать отдельно.

© Логачева Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Место для гостя 5
Глава 2. Минута тишины 10
Глава 3. Рассылка 15
Глава 4. Стол номер четыре 19
Глава 5. Рассвет по расписанию 23
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Юлия Логачева
Место для гостя

Глава 1. Место для гостя

Матвей позвонил в начале девятого.

– Сейчас приеду, – сказал он. – Разговор не телефонный.

На выпускном он отвечал у нас за безопасность и второй день сверял списки гостей. Приехал он через сорок минут. За это время я успела вымыть две чашки, которые стояли в раковине с воскресенья, и три раза переодеться. Сначала я сняла рабочую блузку и надела платье. Потом посмотрела в зеркало и решила, что в платье похожа на женщину, которая весь вечер ждет мужчину. Надела блузку обратно. Потом все-таки снова надела платье. Я ведь и правда его ждала. Ужина у меня не было. Был сыр, половина батона и банка оливок, которую мне подарил клиент еще на Новый год. Я выложила все это на тарелки и решила, что ужин – это прежде всего настроение.

Он поднялся на пятый этаж пешком, хотя лифт работал, и еще с порога протянул мне прозрачную папку.

– Сначала дело, – сказал он.

– А поужинать?

– Поужинать потом. Я голодный, но не настолько, чтобы забыть, зачем ехал.

В папке лежали два приглашения. Наши, я узнала бы их с закрытыми глазами. Плотная кремовая бумага, золотая полоска по краю, герб лицея в углу. Эти приглашения мы печатали на каждого гостя выпускного, вписывали имя и номер стола. Двести штук. Рита ругалась с типографией из-за оттенка золота две недели и победила.

На обоих приглашениях было одно и то же. «Уважаемая Марина Олеговна Ветлугина! Ждем вас 27 июня в 18:00 в ресторане „Причал“. Стол 4».

– Ну и что? – сказала я. – Задвоилось. Так бывает. Программа печатает приглашение на каждое место. Если человек приходит с гостем, а имя гостя не указали, она ставит имя хозяина второй раз. Рита потом исправляет руками.

– Я знаю, как работает ваша программа, – сказал Матвей. – Я ее сегодня полдня изучал. Дело не в том, что задвоилось. Дело в том, на кого.

Он сел на табуретку у стола и положил рядом телефон. На экране была открыта новостная страница. Старая, с желтоватой рамкой, какая бывает у городских сайтов, которые не обновляли лет десять.

«В Верхневолжске в Волге найдено тело учительницы лицея № 1. Как сообщили в полиции, женщина 44 лет, предположительно, упала с дебаркадера в ночь выпускного вечера. Признаков насильственной смерти не обнаружено».

Дата была прошлогодняя. Двадцать девятое июня. Фамилии в заметке не было. Под ней кто-то в комментариях написал «Марина Олеговна, светлая память, лучший учитель», и еще сорок человек поставили сердечки.

Я перечитала заметку два раза. В первый раз я просто читала. Во второй искала, где тут ошибка. Ошибки не было.

– Лицей номер один, – сказала я. – Наш лицей.

– Ваш лицей, – согласился Матвей. – Учительница литературы. Классный руководитель того класса, который в эту субботу выпускается. Год назад они были в десятом. А она пришла на выпускной к прошлогодним одиннадцатым, она у них тоже вела литературу. Ушла с банкета, и утром ее нашли в реке. А в эту субботу у нее стол номер четыре. И гость.

Я села напротив.

– Подожди, – сказала я. – Может, это другая Ветлугина. Мало ли. Сестра, тезка.

– Марина Олеговна? Ветлугина? В том же лицее? – Матвей пожал плечами. – Я проверил, кого смог. Другой Марины Олеговны Ветлугиной в городе нет. Эта была одна. Была.

Я взяла приглашение и повернула его к лампе, как будто под другим углом имя могло поменяться. Обычное приглашение. Золото того самого оттенка, за который Рита воевала.

После истории с медведем у меня не было ни одного заказа. Совсем. Клиенты, которые много лет звонили мне сами, вдруг вспомнили, что у них в этом году скромный юбилей, без размаха, в узком кругу, спасибо, Василиса Андреевна, мы вам обязательно позвоним. Мы сидели в агентстве втроем, Рита, Костя и я, и пересчитывали, на сколько месяцев хватит денег на аренду. Выходило на три. Потом, в начале июня, позвонил председатель родительского комитета лицея Эдуард Ремезов и сказал, что им нужен выпускной под ключ. Банкет на двести человек, ведущий, оформление, ночью теплоход по Волге и салют на рассвете. Бюджет он назвал так спокойно, как называют номер квартиры. Я тогда положила трубку и минуту сидела, не двигаясь, чтобы не спугнуть удачу.

Теперь эта удача лежала на столе в двух экземплярах.

– Кто ее вписал? – спросила я.

– Это я у тебя хотел спросить. В списке от лицея ее нет. Список от лицея я сверил весь, по каждой фамилии. А в вашем общем списке она есть. Значит, добавили у вас.

Я набрала Риту. Было без двадцати десять. Рита ответила на втором гудке, бодрым голосом человека, который еще не ложился и не собирается.

– Рита, у нас на выпускном Ветлугина Марина Олеговна. Стол четыре. Кто ее вписал?

В трубке было слышно, как Рита что-то пишет и одновременно ест.

– Я вписала, – сказала она. – Во вторник. Позвонила женщина, говорит: «Я из родительского комитета. Марина Олеговна будет с гостем, впишите их за стол к учителям». Я и вписала. Учителей у нас и так четырнадцать человек, одним больше.

– Как ее зовут, эту женщину?

Рита замолчала. Я слышала, как она перестала жевать.

– Она не сказала. Сказала «из комитета». Я подумала, это кто-то из мам. Там их двенадцать, Василиса Андреевна, я половину по голосу не различаю. А что случилось?

– Номер остался?

– Остался. Я всегда записываю. Сейчас.

Она продиктовала номер. Я записала его на салфетке.

– Рита, – сказала я. – Ты знаешь, кто такая Марина Олеговна Ветлугина?

– Учительница, наверное. Раз за учительский стол.

– Она умерла год назад.

Рита помолчала так долго, что я проверила, не прервался ли звонок.

– Я не знала, – сказала она тихо. – Честное слово, я не знала. Я сейчас уберу. Сейчас же. Я в офис приеду и уберу.

– Ничего не убирай. Ничего вообще не делай. Ложись спать.

– Я не усну.

– Тогда не спи, но ничего не трогай. Завтра в девять поговорим.

Я положила телефон на стол. Матвей смотрел на меня и молчал. Это он умел лучше всех, кого я знала: молчать, пока я не заговорю сама.

– Ну что, – сказала я. – Вариант первый: кто-то из мам перепутал. Сидела со старым списком учителей и продиктовала не ту фамилию.

– А «с гостем» она тоже перепутала?

– Вариант второй – это шутка. Выпускники так шутят. Им восемнадцать, они и не такое придумывают.

– Выпускники звонят в агентство и представляются мамами из комитета? – Матвей покачал головой. – Может быть. Но голос у нее, как Рита говорит, взрослый.

– Рита этого не говорила.

– Рита сказала «я подумала, это кто-то из мам». Если бы звонила девочка, Рита бы так не подумала.

Я хотела возразить и не нашла чем. Он был прав, и это раздражало. Я так и не привыкла, что он бывает прав чаще, чем мне удобно.

– Вариант третий, – сказала я. – Кто-то хочет, чтобы на выпускном все вспомнили, как она умерла.

– Вот, – сказал Матвей. – Вот теперь мы с тобой думаем одинаково.

Я набрала Льва Аркадьевича. Он ответил сразу, хотя в такое время обычно смотрел футбол и на звонки не отвечал.

– Душа моя, – сказал он. – Если ты звонишь в десять вечера, значит, у тебя или новый заказ, или новый покойник. Я надеюсь на заказ.

– Лев Аркадьевич, вам что-нибудь говорит фамилия Ветлугина?

В трубке стало тихо. Даже телевизор у него замолчал. Наверное, он выключил звук.

– Марина, – сказал он. – Марина Олеговна. Я вел тот выпускной, душа моя. Прошлогодний. Директор лицея попросил меня по старой памяти, я у него когда-то свадьбу вел. Это было не от нашего агентства, я сам. Почему ты спрашиваешь?

– Она у нас в списке гостей на эту субботу.

– В каком смысле?

– В прямом. Стол четыре, с гостем.

Лев Аркадьевич помолчал опять.

– Нехорошо, – сказал он наконец. – Очень нехорошо. Я ее помню. Красивая была женщина, рыжая. Плащ у нее был желтый, такой, знаешь, как у рыбаков. Она весь вечер в нем ходила, хотя дождь кончился еще днем. И ушла рано, до полуночи. Я еще удивился. Учительница, которую выпускники на руках носили, а уходит до напутствия. А утром мне позвонили и сказали. Под старым дебаркадером, у «Причала». Там двести метров от ресторана.

– И что тогда говорили?

– Что говорят в таких случаях, душа моя? Ночь, мокрые доски, женщина одна. Поскользнулась. Говорили, что выпила. Я в это не очень верил, она весь вечер пила минеральную воду, я сам ей наливал, когда тост был за учителей. Но меня никто не спрашивал. – Он вздохнул. – Ты что, будешь этим заниматься?

– Я пока ничего не делаю. Я пока пытаюсь понять, что у меня в списке.

– У тебя в списке беда, – сказал Лев Аркадьевич. – Убери ее, душа моя. Убери и забудь. Мы с тобой после медведя еще не отдышались.

Он сказал это так серьезно, что я пообещала подумать, и мы попрощались. Матвей все это время сидел и резал сыр. Он нарезал его маленькими ровными кубиками, все одного размера.

– Ремезов, – сказала я. – Он председатель комитета. Если звонила мама из комитета, он должен знать, кто.

– Звони, – сказал Матвей. – Только громкую связь включи.

Ремезов ответил после шестого гудка. Голос у него был недовольный, в трубке шумела вода, как будто я застала его в ванной.

– Василиса Андреевна, у вас что-то срочное? Я завтра с утра в лицее, давайте утром.

– Эдуард Александрович, буквально минуту. У нас в списке гостей появилась Ветлугина Марина Олеговна. Добавили по звонку якобы от вашего комитета. Вы не знаете, кто мог звонить?

Шум воды прекратился. Секунды три в трубке было совсем тихо.

– Кто? – переспросил Ремезов.

– Ветлугина. Марина Олеговна.

– Уберите, – сказал он. Голос у него стал другой, сухой и быстрый. – Немедленно уберите. И никому об этом ни слова. Ни директору, ни учителям, никому. Вы меня поняли?

– Я поняла. А кто мог звонить?

– Понятия не имею. Какая-то идиотка. Уберите, Василиса Андреевна. Мы вам платим за праздник, а не за… – Он не договорил. – Спокойной ночи.

И отключился.

Мы с Матвеем посмотрели друг на друга.

– Он не спросил, кто такая Ветлугина, – сказал Матвей. – И не удивился, что она в списке. Он испугался, что о ней узнают.

– Может, он просто бережет выпускников. Им восемнадцать, у них праздник. Год назад у них погибла классная. Зачем им это за столом номер четыре?

– Может быть, – сказал Матвей. – А может быть, он бережет себя.

Я встала, включила чайник и стала смотреть, как он закипает. Это помогало думать. В агентстве у меня было правило, которое знали все, даже курьеры. Если на празднике что-то не так, сначала понять, что именно, потом исправлять. Не наоборот. Невеста плачет – сначала узнать, почему. Может, ей туфли жмут, а может, жених ушел. Исправлять туфли, когда ушел жених, бесполезно.

– Если я ее уберу, – сказала я, – звонившая узнает об этом. Она увидит, что приглашения ей не прислали. Или прислали, а на входе ее не пустят. И что тогда? Она придет без приглашения? Устроит скандал? Напишет куда-нибудь, что агентство вычеркнуло погибшую учительницу по просьбе комитета?

– Скорее всего.

– А если не уберу, и она придет, и сядет за четвертый стол, и все увидят?

– Тогда все увидят, – сказал Матвей. – И кто-то побледнеет. А кто-то уронит бокал. А кто-то выйдет позвонить. Я буду стоять у стены и смотреть.

– Ты будешь стоять у стены на выпускном, где я отвечаю за двести человек и теплоход. И смотреть, кто роняет бокалы. Прекрасно. А я в это время буду объяснять родителям, почему их дети плачут вместо того, чтобы танцевать вальс.

– А ты что предлагаешь?

Я налила чай. Обожглась. Поставила чашку перед ним, вторую перед собой и села.

– Я предлагаю сначала узнать, кто звонил. А потом решать. До субботы три дня. Приглашения мы рассылаем в пятницу. До пятницы я ничего не убираю и ничего не оставляю. Я просто ничего не трогаю.

– Ремезов сказал убрать.

– Ремезов сказал убрать и никому не говорить. Я никому и не скажу. А убрать еще успею.

Матвей отпил чай, поморщился, потому что чай был без сахара, а я забыла, что он пьет с двумя ложками, и улыбнулся. Улыбался он редко, и каждый раз я замечала, что у него сразу становятся другие глаза. Не мягче, нет. Просто как будто он на секунду перестает проверять периметр.

– Хорошо, – сказал он. – Тогда завтра я пробиваю номер. Ты говоришь с Ремезовым при свете дня, когда он не в ванной. И с директором. Аккуратно.

– Это мой клиент, Матвей. Я с ним всегда аккуратно.

– Я знаю, – сказал он. – Я видел тебя у Громова.

Мы помолчали. Я не люблю вспоминать ту историю, но она все время возвращается. На юбилее Алексея Борисовича Громова, который делало мое агентство, человек в костюме медведя увел из клуба его маленького сына Мишу. Матвей тогда был начальником охраны Громова и первым делом решил, что похищение устроили мы. Мишу мы в конце концов нашли

вместе. Матвей к Громову не вернулся, хотя тот звал. А мне после этого перестали звонить клиенты.*

Потом я все-таки положила ему на тарелку сыр, хлеб и оливки, потому что ужин – это настроение, а у меня его не было, но гость не должен об этом знать. Он съел все, даже оливки, хотя я видела, что он их не любит. Мы говорили про выпускной. Про теплоход, который капитан обещал пригнать к причалу к двум часам ночи и уже дважды переносил на полтретьего. Про салют, который надо было запускать с баржи ровно в половине пятого, на рассвете, потому что в половине пятого над Волгой встает солнце, а у пиротехника были свои взгляды на рассвет. Про Костю, который купил новый дрон и хотел снимать выпускников с воздуха, а капитан теплохода сказал, что если дрон упадет на палубу, он лично выбросит Костю за борт. Матвей слушал, задавал вопросы и записывал что-то в телефон. Я знала, что он записывает. Время отхода, количество людей на борту, кто отвечает за трап.

Около полуночи он встал и сказал, что ему пора. В семь утра ему надо было ехать за город к новому клиенту, а мне надо было думать. Думать рядом с ним у меня получалось плохо, и он это знал. Я проводила его до двери. Он поцеловал меня в коридоре, долго, как тогда, в первый раз, у меня на кухне, и я снова подумала, что у нас с ним все пока, и это «пока» мне нравилось все больше.

– Не трогай список, – сказал он уже на лестнице.

– Не буду.

– И не звони по этому номеру сама.

– Не буду, – сказала я, и он посмотрел на меня так, будто точно знал, что буду.

Я закрыла дверь и вымыла чашки и тарелки. Потом села за стол и положила перед собой салфетку с номером.

Звонить я не собиралась. Правда. Я собиралась только посмотреть на номер. Номер был московский. Не нашего города, не нашей области. Это меня почему-то успокоило, хотя московский номер еще ничего не говорил о том, кто звонил.

В половине первого телефон завибрировал. Номер был тот самый, с салфетки. Я посмотрела на экран, потом на салфетку, потом опять на экран. Цифры совпадали.

Я нажала «принять».

– Это агентство «Праздник под ключ»? – спросил женский голос. Негромкий, усталый, как будто человек давно не спал. – Мне сказали, вы звонили по поводу Марины Ветлугиной.

– Я вам не звонила, – сказала я. – Кто вам сказал?

Женщина помолчала.

– Неважно. Я хочу попросить вас об одном. Не убирайте ее из списка. Пожалуйста. Я все объясню, только не по телефону. Завтра. Можно завтра?

– Кто вы?

– Я та, кто вписала ее к вам, – сказала женщина. – А еще я ее сестра.

И отключилась раньше, чем я успела спросить, откуда она знает, что ее собирались убрать.

* Об этом – в романе «Медведь без головы».

Глава 2. Минута тишины

Рита пришла в агентство раньше меня, это было видно и по остывшему чайнику, и по ее лицу. Так выглядят люди, которые всю ночь готовили речь, а утром не могут вспомнить из нее ни слова.

– Василиса Андреевна, – сказала она, не дав мне даже положить сумку. – Я ей звонила.

– Кому?

– Той женщине, по номеру, в двенадцать ночи. Вы сказали ничего не трогать, а я не могла уснуть. Подумала, может, это какая-нибудь мама правда перепутала, тогда она извинится, и все. Звоню и говорю: «Это агентство. Ветлугину, наверное, придется убрать из списка». А она: «Кто так решил?» Я говорю: «Мы». Она сказала «понятно» и отключилась.

Она стояла посреди комнаты с телефоном в руке, как будто приготовилась его сдать.

– Через полчаса она позвонила мне, – сказала я.

– И что?

– Попросила не убирать. Сказала, что она сестра.

Рита села на край стола и закрыла лицо руками.

– Я все испортила, да?

– Нет, ты сэкономила мне ночь. Я бы все равно позвонила ей утром, а так она позвонила мне сама. – Я забрала у нее телефон и положила на стол. – Но больше никому не звони, ладно? Ни по этому номеру, ни по какому. Если кто-то спросит про Ветлугину, ты ничего не знаешь.

– Я и правда ничего не знаю, – сказала Рита и пошла ставить чайник заново, потому что, когда Рите плохо, она всегда ставит чайник.

Матвей написал в половине десятого. Номер был оформлен на Ирину Олеговну Седову, сорок один год, Москва, Ветлугина по отцу и Седова по мужу. Работала она в каком-то московском издательстве, а в Верхневолжск, по его данным, приезжала редко, последний раз год назад, в конце июня.

«На похоронах», – написала я.

«Да», – ответил он.

Минут через десять написала сама Ирина. Она звала меня в кафе «Волна» на набережной сегодня в семь и просила прийти одной. Я ответила, что приду, а про «одной» отвечать не стала.

В одиннадцать у нас была репетиция в лицее. Лицей номер один стоял на Соборной, в старом купеческом особняке с колоннами, к которому лет десять назад пристроили стеклянный спортзал. В городе его звали губернаторским, хотя дети губернатора там не учились. Губернатор у нас был приезжий и своих детей держал в Москве. Зато там учились дети всех, кто с губернатором здоровался за руку.

Лев Аркадьевич ждал меня у входа в светлом костюме и шляпе и выглядел так, будто приехал не на репетицию, а на собственный бенефис. В этом году выпускной вел он. После вчерашнего разговора я не сразу решилась его попросить, но он сказал «душа моя, кто же, если не я» и даже не стал торговаться.

– Я тут уже был в прошлом году, – сказал он, пока мы шли по коридору. – И ничего не изменилось, даже запах. Хлорка, булочки и страх перед экзаменом.

Актовый зал был на втором этаже. На сцене стояли два стула, пианино и девочка лет семнадцати с листами в руках, а в первом ряду перед сценой сидели трое. Из них я знала только Ремезова. Высокий, гладкий, в голубой рубашке без галстука, он сидел, широко расставив ноги, и смотрел в телефон. Рядом с ним сидел полный мужчина лет шестидесяти в костюме и галстуке, хотя на улице было двадцать восемь градусов, и от него на два ряда пахло валерьянкой. Это был директор лицея Виктор Павлович Зимин. С другой стороны сидела женщина

в синем платье, с короткой седой стрижкой и добрым круглым лицом, и она первой встала нам навстречу.

– Вы Василиса Андреевна? Я Лариса Николаевна, завуч. А Льва Аркадьевича мы все помним, вы у нас в прошлом году были как родной.

Она пожала мне руку двумя руками, тепло и крепко, а Льва Аркадьевича обняла. Он поцеловал ей руку и что-то сказал на ухо, и она засмеялась.

Ремезов поднял голову от телефона.

– Давайте быстро, – сказал он. – У меня в двенадцать совещание.

Мы прошли программу, которую я знала наизусть, потому что мы с Ритой писали ее две недели. Торжественная часть в лицее в пять, банкет в «Причале» с шести. Поздравление директора, поздравление родителей, вручение медалей, речь выпускников, вальс, конкурсы и танцы. В половине третьего ночи от причала у ресторана отходит теплоход «Верхневолжье», идет по Волге до плотины и обратно, в половине пятого с баржи дают салют на рассвете, а в шесть теплоход швартуется, и родители забирают детей.

– Речь выпускников, – сказал Ремезов, не отрываясь от телефона. – Кто говорит?

– В программе двое, – сказала я. – Кирилл Бахметьев и Анна Кольцова.

– Кольцову уберите. Говорит один Бахметьев.

Девочка на сцене опустила листы, и я поняла, что это и есть Анна Кольцова. Невысокая, в джинсах и белой футболке, с прямыми темными волосами, собранными в хвост, она стояла и смотрела на Ремезова, но ничего не говорила.

– Почему? – спросила я.

– Потому что у нас двести гостей и четыре часа банкета, а не литературный вечер. Одной речи достаточно.

– Эдуард Александрович, – мягко сказала Лариса Николаевна. – Анечка готовила две недели. Она у нас лучшая по литературе.

– Лариса Николаевна, мы это обсуждали. – Ремезов наконец убрал телефон. – Текст не прошел.

– Что значит «не прошел»? – спросила я.

– Это значит, что родительский комитет его прочитал и решил, что выпускной – не место для таких текстов. – Он посмотрел на директора. – Виктор Павлович, я правильно говорю?

Директор вытер лоб платком, который давно уже был влажный.

– Делайте, как Эдуард Александрович скажет, – сказал он мне. Не Ремезову и не девочке, а почему-то именно мне, как будто это я с ним спорила.

Аня Кольцова сложила листы пополам, потом еще раз пополам, спустилась со сцены по боковой лестнице и вышла из зала. Дверь за ней закрылась медленно, на доводчике, и никто ничего не сказал. Только Лев Аркадьевич рядом со мной тихо выдохнул сквозь зубы.

Я вычеркнула Кольцову из программы карандашом. Делать это при всех было неприятно, как будто я тоже в этом участвовала, но клиент есть клиент. Я напомнила себе, что денег на аренду у нас на три месяца и что спорить с комитетом из-за чужой речи в мою работу не входит.

– Есть еще одна вещь, – сказала Лариса Николаевна. – Я хотела попросить, чтобы после вручения медалей была минута тишины. Для Марины Олеговны. Это ее ребята, она вела их с пятого класса до десятого, и они ее любили. Они сами просили.

Стало тихо. Директор перестал вытирать лоб, а Ремезов посмотрел на завуча так, будто она сказала что-то неприличное.

– Лариса Николаевна, – сказал он, – какая минута тишины? Это праздник, у детей выпускной.

– Год назад у этих детей умерла классная, Эдуард Александрович, и они этого не забыли. Если мы сделаем вид, что ничего не было, они все равно будут об этом думать, только молча и по углам.

– Виктор Павлович?

Директор посмотрел на завуча, потом на Ремезова, потом почему-то опять на меня.

– Я не знаю, – сказал он. – Может, правда, минуту. Одну и без речей.

Ремезов встал. Он был выше всех нас на голову и вставал так, чтобы это было заметно.

– Одну минуту. Без речей, без фотографий на экране, без музыки. Ведущий объявляет, все встают, все садятся. – Он посмотрел на Льва Аркадьевича. – Вы меня поняли?

– Понял, Эдуард Александрович, – ответил Лев Аркадьевич таким голосом, каким, наверное, говорил с невестами, которые в третий раз меняют первый танец. – С первого раза.

Ремезов не улыбнулся. Он кивнул мне на дверь и вышел в коридор, и я пошла за ним.

В коридоре было пусто, только в дальнем конце уборщица мыла пол и делала вид, что не слушает. Ремезов дошел до окна и повернулся ко мне.

– Вы убрали? – спросил он вполголоса.

– Разбираемся, – сказала я. – Звонили не от вашего комитета, это уже понятно. Мы выясняем, кто.

– Мне не нужно, чтобы вы выясняли. Мне нужно, чтобы этого имени не было в списке. – Он помолчал. – Василиса Андреевна, вы не представляете, что тут было в прошлом году. Полгода проверок, каждую неделю то министерство, то прокуратура, то журналисты, то комиссии. Учительница утонула в ночь выпускного, и все сразу решили, что ее тут довели. Дети сдавали экзамены, а у них под дверью стояли с камерами, директор с давлением попал в больницу. Я этого больше не хочу, и родители не хотят.

Говорил он ровно и разумно, и, если бы я вчера не слышала, каким голосом он сказал мне «уберите», я бы ему поверила.

– Я поняла, – сказала я.

– Вот и хорошо. – Он посмотрел на часы. – И проследите, чтобы минута эта была одна. Лариса Николаевна женщина хорошая, но любит, чтобы все плакали.

Он ушел, а я осталась у окна. Во дворе у ворот стоял черный внедорожник с работающим мотором, и мужчина в темных очках за рулем смотрел на крыльцо. Через минуту на крыльцо вышел высокий светловолосый парень в рубашке навыпуск, сел на заднее сиденье, и машина уехала. Уборщица у меня за спиной сказала, ни к кому не обращаясь:

– Бахметьевский. Его каждый день так возят, как министра.

Я спустилась во двор. Аня Кольцова сидела на скамейке у спортзала и курила, неумело, держа сигарету, как карандаш, и, когда увидела меня, прятать ее не стала.

– Вы из агентства? – спросила она.

– Да. Мне жаль, что так вышло с речью.

– Ничего. – Она стряхнула пепел мимо урны. – Я знала, что так будет. Я ее писала просто так, для себя.

– А про что она была?

Аня посмотрела на меня серьезными взрослыми глазами, как будто ей было не семнадцать, а сорок, и она в этом лицее не училась, а работала.

– Про то, что не все медали одинаковые, – сказала она. – Извините, мне на консультацию.

Она бросила сигарету в урну и ушла, а я еще долго стояла у скамейки и смотрела на окурок, пока не поняла, что опаздываю в типографию.

В семь вечера я сидела в кафе «Волна» на набережной. Кафе было маленькое, на шесть столиков, с верандой над водой. Через два столика от меня, спиной к реке, сидел Матвей с газетой и чашкой кофе. Газету он, по-моему, купил специально. Когда я напомнила ему, что меня просили прийти одной, он сказал: «А я и не с тобой. Я кофе пью. Имею право».

Ирина пришла ровно в семь, и я узнала ее сразу, хотя никогда раньше не видела. Она была рыжая, причем не крашеная, а по-настоящему, с веснушками на руках, невысокая, в сером льняном платье и с сумкой через плечо. Лицо у нее было усталое и очень спокойное.

– Василиса? – спросила она.

– Да. Садитесь.

Она села, заказала воду без газа и посмотрела на Матвея с газетой, а потом на меня.

– Этот мужчина с вами?

– Этот мужчина просто пьет кофе.

– Хорошо, – сказала она. – Пусть пьет, я не против. Я, честно говоря, уже ничего не боюсь.

Принесли воду. Она отпила глоток и поставила стакан точно в мокрый круг, который от него остался.

– Марина была старше меня на три года, – сказала она. – Мы похожи, в детстве нас путали даже соседи. Сейчас меньше, но в полутемном зале, если я надену ее платье, сделаю ее прическу и пройду мимо, на секунду меня примут за нее. Мне нужна эта секунда.

– Зачем?

– Посмотреть, кто побледнеет. – Она сказала это просто, без всякого театра. – Марина не падала с дебаркадера. Она с детства боялась воды, с того дня, как отец вытащил ее из пруда, и к краю причала даже днем не подходила, не то что ночью. Она и на теплоход ни разу в жизни не села. Полиция сказала, что она поскользнулась. Я спросила, что она там делала одна в полночь, и мне ответили, что это неизвестно. И закрыли дело.

– Вы думаете, ее…

– Я не знаю, – сказала Ирина. – Я знаю только, что за неделю до смерти она мне позвонила. «Ира, у нас в лицее творится грязь, и я это остановлю». Я спросила, что за грязь, а она: «Потом расскажу, когда все сделаю». А я была занята и ответила «хорошо». – Она опять отпила воды. – Это был наш последний разговор.

Я молчала. На веранде было тепло, по набережной шли люди с детьми и мороженым, и все это было так далеко от того, о чем она говорила, что мне на секунду захотелось встать и уйти к ним.

– А гость? – спросила я. – Вы вписали Марину с гостем.

– Это человек, которому она доверяла, он придет со мной. Кто он, я пока не скажу. Ему тоже есть чего бояться.

– Ирина, вы понимаете, что это мой праздник? Что там будут двести человек и дети, которые год назад похоронили свою классную? Если вы устроите там сцену…

– Я не устрою сцену, – сказала она. – Я войду, сяду за четвертый стол, посижу немного и уйду. Мне не нужно ничего говорить, мне нужно только посмотреть.

– Там будет минута тишины, – сказала я. – Сегодня завуч попросила.

– Лариса, – сказала Ирина и впервые за весь разговор улыбнулась. – Конечно, Лариса. Они с Мариной дружили двадцать лет.

Я посмотрела на Матвея. Он смотрел в газету и, кажется, ни разу не перевернул страницу.

– Я подумаю, – сказала я.

– Подумайте. – Ирина положила на стол деньги за воду. – И, пожалуйста, никому не говорите, кто я. Никому из лицея, ни директору, ни Ремезову, ни Ларисе. Пусть они увидят Марину. Если они будут знать, что придет сестра, никто ничего не увидит.

– Одному человеку я уже сказала.

– Вот этому, с газетой? – Она кивнула на Матвея. – Ему можно. Он похож на человека, который умеет молчать.

Она встала, но остановилась, достала из сумки телефон и протянула мне. На экране была старая, прошлогодняя переписка, и последнее сообщение от «Мариша» было отправлено двадцать восьмого июня в 23:52.

«Иду говорить. Потом позвоню».

– Она не позвонила, – сказала Ирина. – Я весь год думаю, с кем она пошла говорить. Может быть, в субботу я это увижу.

Она убрала телефон и ушла по набережной в сторону гостиницы. Матвей сложил газету, пересел ко мне и долго смотрел ей вслед.

– Без восьми двенадцать, – сказал он. – А Лев говорит, она ушла с банкета перед самой полуночью. Значит, она пошла говорить с кем-то, кто ждал ее снаружи.

– Или с кем-то, кто вышел следом за ней.

– Или так, – согласился Матвей. – В любом случае этот человек знает, что было в полночь на дебаркадере. И в субботу он будет сидеть в зале.

Глава 3. Рассылка

Решение я приняла в пятницу утром, в половине восьмого, когда стояла под душем и пыталась думать о салюте, а думала совсем о другом. О рыжей женщине, которая весь год вспоминает слово «хорошо», сказанное сестре по телефону, и о том, что если я сейчас уберу из списка Марину Олеговну, то стану еще одним человеком, который сказал ей «хорошо» и занялся своими делами.

Матвею я позвонила, еще не высушив волосы.

– Я ее оставляю, – сказала я. – Приглашения отдам Ирине лично, в рассылку они не пойдут. Ремезову скажу, что в рассылке Ветлугиной нет, и это будет правда.

– Это будет правда наполовину, – сказал Матвей.

– Это будет правда ровно настолько, насколько он заслужил. Он мне вчера тоже сказал половину.

Матвей помолчал. В трубке шумела дорога: он уже ехал к своему загородному клиенту.

– Тогда у меня условие, – сказал он. – Я хочу знать, кто второй. Если человек проходит на праздник, где двести гостей и дети, а я не знаю, кто он, я не могу за него отвечать.

– Она не скажет.

– Тогда пусть он пройдет через меня. Я посмотрю на него сам на входе, и мне этого хватит.

Ирина согласилась на это быстрее, чем я ожидала. Мы встретились в одиннадцать у гостиницы. Я отдала ей конверт с двумя приглашениями, и она сразу убрала его в сумку, даже не открыв.

– Мой гость пройдет мимо вашего человека, – сказала она. – Пусть смотрит, сколько хочет. Только не останавливает.

– Он не остановит, если не будет повода.

– Повода не будет, – сказала Ирина. – Он хороший человек. Просто его в этом лицее не любят.

Потом она спросила, во сколько начнется минута тишины, и я назвала время по программе, без двадцати восемь, сразу после медалей. Она кивнула и повторила вслух «без двадцати восемь», словно боялась забыть.

Дальше пятница пошла обычная, то есть сумасшедшая. Рита сидела в агентстве с двумя телефонами и ноутбуком и рассылала приглашения, а я ездила по городу и подтверждала все, что подтверждается накануне. Флористы обещали привезти гирлянды из эвкалипта к трем, если не будет пробок на мосту, и к пяти, если будут. Повар «Причала» в третий раз спросил, точно ли у нас нет вегетарианцев, и в третий раз узнал, что вегетарианцев у нас девять, а одна девочка не ест вообще ничего, кроме суши, и суши для нее заказаны отдельно. Пиротехник сказал, что баржу поставят напротив плотины к полуночи и что, если в половине пятого будет ветер с реки, он ничего не гарантирует, потому что салют, Василиса Андреевна, это вам не торт, его нельзя переставить на другой стол.

Капитана теплохода «Верхневолжье» звали Геннадий Ильич, и разговаривал он со мной так, как разговаривают с женщиной, которая пришла на его судно в туфлях на каблуках. Я пришла в кроссовках, но это не помогло.

– Отход в два тридцать, – сказал он, стоя на трапе и не пуская меня дальше. – Посадка с двух. Пьяных не беру, буйных не беру, с бутылками не беру. Сто шестьдесят человек максимум, у меня на борту спасательных жилетов на сто восемьдесят, и я хочу, чтобы двадцать остались лишними.

– У нас будет сто пятьдесят два.

– Вот и пусть будет сто пятьдесят два. – Он посмотрел на Костю, который стоял у меня за спиной с новым дроном в коробке. – А это что?

– Это дрон, – сказал Костя. – Я буду снимать рассвет сверху.

– С моей палубы ты ничего снимать не будешь, – сказал капитан. – Если эта штука упадет кому-нибудь на голову, я тебя сам отправлю за борт, и жилет тебе не достанется, потому что они все будут заняты.

Костя посмотрел на меня с надеждой, но я сделала вид, что меня очень интересует швартовочный канат. Сошлись на том, что дрон останется у Кости в машине, а на борту он будет работать обычной камерой, как все люди.

В три позвонил Ремезов.

– Что с рассылкой, Василиса Андреевна?

– Все двести приглашений разосланы по списку, – сказала я. – Ни одной лишней фамилии.

– Спасибо, – сказал он с таким облегчением, что мне стало немного стыдно. – И еще. Помощница Бахметьевых просит программу с точным временем всех номеров. Вадим Сергеевич хочет ненадолго заехать на банкет, поздравить выпускников, и ему надо знать, когда это будет удобно.

– Я уже переслал ей ваш тайминг, – сказал Ремезов. – Весь, с теплоходом. Вы не против?

Против я была, потому что тайминг – это внутренний документ, по нему работает моя команда, и в нем написано не только во сколько вальс, но и во сколько официанты меняют скатерти. Но вице-губернатор не тот человек, которому объясняют про скатерти, и я сказала, что не против.

Через полчаса мне позвонила сама помощница, молодая женщина с голосом диктора.

– Вадим Сергеевич будет с семи до восьми, – сказала она. – Поставьте его, пожалуйста, сразу после директора, он скажет выпускникам несколько слов. И нужен отдельный стол для него и супруги, ближе к сцене, но не в центре.

– Кирилла тоже за этот стол?

– Нет, Кирилл будет с классом, так правильно. С ним весь вечер будет сопровождающий, на теплоходе тоже.

– Сопровождающий – это охранник? – спросила я.

– Это водитель, – ответила помощница таким тоном, что спрашивать дальше мне расхотелось.

Стол для Бахметьевых мы нашли, передвинув родительский комитет на полметра к окну. Ремезову я не стала говорить, кто его подвинул. Рита переделала схему рассадки за двадцать минут.

– Еще один отдельный стол, – сказала она, – и я уйду работать в библиотеку. Там все сидят молча и всегда на одних местах.

Вечером, около семи, мы с Матвеем поехали на причал у «Причала». Название звучало как скороговорка, и мы все время путались, но другого причала рядом с рестораном не было. Матвей хотел посмотреть, где будет посадка, где поставить рамку и откуда видно трап. Я хотела посмотреть на старый дебаркадер, хотя не говорила ему об этом.

Дебаркадер стоял метрах в двухстах вниз по течению, у самой набережной. Когда-то к нему приставали речные трамвайчики, потом трамвайчики кончились, и дебаркадер остался, ржавый, с выбитыми окнами в будке и с мостками, которые уходили к нему от берега. На мостках висела цепь с табличкой «Проход запрещен», но цепь была такая низкая, что через нее можно было переступить, не задирая юбки. Я подошла и посмотрела вниз. Вода была темная и спокойная, и казалось, что под ней сразу дно, хотя я знала, что здесь глубоко.

– Ночью тут не видно ничего, – сказал Матвей у меня за спиной. – Фонарей нет, с набережной свет не достает. Если человек стоит на краю, его не видно с берега, а с ресторанной веранды тем более.

– Ирина говорит, Марина боялась воды.

– Тогда она пришла сюда не одна, – сказал Матвей. – Или пришла, потому что ее позвал человек, которого она не боялась.

Мы постояли немного, а потом вернулись к причалу, где у трапа «Верхневолжья» стоял черный внедорожник. Тот самый или такой же, я не могла сказать точно. Рядом с машиной стоял мужчина в темных очках, хотя солнце уже садилось за элеватор, и разговаривал с капитаном. Говорил в основном он, капитан слушал и кивал, и это было так непохоже на Геннадия Ильича, что я остановилась.

Мужчине было лет сорок пять. Он был невысокий, плотный, коротко стриженный, в черной рубашке с закатанными рукавами, и стоял он так, как стоят люди, которым не нужно ничего доказывать. Он спросил у капитана, где на теплоходе будут выпускники, и капитан показал на нос. Потом мужчина повернулся, увидел нас и на секунду замер. Потом снял очки, и я заметила, что он смотрит не на меня, а на Матвея.

– Сабуров, – сказал он. – Надо же.

– Жилин, – сказал Матвей.

Больше они ничего друг другу не сказали. Мужчина надел очки, сел в машину и уехал. Капитан посмотрел ему вслед.

– Водитель бахметьевского сына, – сказал он. – Завтра будет у меня на борту. Такого водителя я бы и себе взял.

В машине Матвей долго молчал. Я ждала, что он заговорит сам, потому что знала, что спрашивать его в такие минуты бесполезно, но к тому моменту, как мы доехали до моего дома, я поняла, что он не заговорит.

– Кто это? – спросила я.

– Роман Жилин. Мы служили в одном округе, давно. – Он заглушил мотор. – Он не водитель, Васька.

– А кто?

– Потом расскажу, – сказал Матвей. – Завтра держись от него подальше. И Ирину держи.

Суббота началась в шесть утра и шла так, как идут все большие праздники, когда к обеду ты уже не помнишь, ела ли ты сегодня, а к пяти не помнишь, как тебя зовут. Гирлянды привезли в половине четвертого, потому что на мосту все-таки были пробки. Настя, наш новый администратор, которую мы взяли три недели назад специально под выпускной, перепутала коробки с карточками рассадки и разложила учительский стол на месте родительского, и мы с Ритой перекладывали их обратно, пока официанты носили мимо нас бокалы. Одна из мам привезла торт, который заказала сама, без нас, высотой в метр, и торт не влезал в холодильник «Причала», поэтому шеф полчаса ругался на кухне на трех языках, из которых я узнала только русский. Лев Аркадьевич приехал в смокинге и с бабочкой, прошел по залу, поправил на сцене микрофонную стойку на два сантиметра и сказал, что теперь можно начинать.

Торжественная часть в лицее прошла так гладко, что я даже испугалась. Выпускники получили аттестаты, родители поплакали, директор Зимин прочитал речь по бумажке и ни разу не поднял глаз. Ремезов стоял у стены с телефоном. Лариса Николаевна обнимала каждого, кто выходил со сцены, и к концу у нее на синем платье остались следы от тонального крема половины одиннадцатого «А». Кирилл Бахметьев получил аттестат с отличием под аплодисменты, которые были, по-моему, немного громче, чем остальные. Медали по традиции вручали вечером, на банкете, но кому достанется золотая, знал весь зал. Аня Кольцова получила аттестат с одной четверкой. Она спустилась со сцены быстро, и я не успела увидеть ее лица.

Когда зал начал пустеть, Лариса Николаевна поймала меня у выхода и отвела в сторону, к стенду с фотографиями выпускников. В руках у нее была небольшая рамка, завернутая в носовой платок.

– Василиса Андреевна, я знаю, что Эдуард Александрович запретил фотографии на экране, – сказала она шепотом, как будто нас могли услышать с другого конца коридора. – Я и

не прошу на экран. Я хотела поставить ее на учительский стол. Просто чтобы стояла. Она бы за этим столом все равно сидела, если бы… если бы была.

Она развернула платок. На фотографии Марина Ветлугина стояла у доски с мелом в руке и смеялась, повернувшись к классу, и даже на маленьком снимке было видно, какая она рыжая. Я смотрела на нее и думала о том, что через полтора часа за этим самым столом будет сидеть ее сестра, а Лариса Николаевна, которая дружила с Мариной двадцать лет, об этом ничего не знает.

– Давайте я поставлю ее сама, – сказала я. – Ближе к окну, чтобы не мешала официантам.

– Спасибо вам. – Она сжала мою руку, и глаза у нее сразу стали мокрые. – Вы не представляете, как мне ее не хватает. Мы с ней каждое утро пили кофе в учительской, у нее всегда было печенье в столе. Я до сих пор открываю этот ящик по привычке.

Рамку я отнесла в машину, а в «Причале» поставила на четвертый стол, между вазой с эвкалиптом и карточкой с номером. Матвей увидел это издалека, подошел и долго смотрел на фотографию, ничего не говоря.

– Похожа? – спросил он наконец.

– Я сестру видела два раза, – сказала я. – Похожа. Очень.

В шесть гости начали приходить в «Причал». Матвей стоял у входа рядом с охраной ресторана, в темном костюме, и со стороны выглядел как еще один гость, который не знает, куда деть руки. Я знала, что он видит каждого. На входе была стойка, за которой сидела Настя со списком и проверяла приглашения, и Матвей стоял так, чтобы видеть одновременно и Настин список, и лица.

Я была в зале. Рассаживала учителей, улыбалась родителям и следила за тем, чтобы шампанское на велкоме не кончилось раньше, чем кончатся гости. Четвертый стол стоял у окна на Волгу, и на нем, среди учительских карточек, стояли две одинаковые. Утром я хотела убрать их и положить в конверт, чтобы никто не увидел имени заранее, но потом оставила. Если Ирина хочет, чтобы ее приняли за Марину, пусть Марину ждет ее место.

В шесть сорок, когда зал уже был почти полный, а Лев Аркадьевич взял микрофон и сказал свое знаменитое «Дорогие мои, давайте начинать, пока нас не начали без нас», в наушнике у меня щелкнуло, и Настин голос сказал, тихо и немного растерянно:

– Василиса Андреевна, тут Ветлугина, плюс один. Проходят?

Я посмотрела на вход. Матвей стоял на своем месте и смотрел на кого-то, кого мне еще не было видно за спинами гостей.

– Проходят, – сказала я.

Глава 4. Стол номер четыре

Сначала я увидела не Ирину, а желтое пятно, которое медленно двигалось между спинами гостей от входа к окну. Только потом, когда перед ним расступилась компания пап с бокалами, я поняла, что это плащ. Длинный желтый плащ, какой носят рыбаки и школьные учительницы литературы, которым все равно, что о них подумают. Под плащом было темно-зеленое платье, рыжие волосы Ирина подняла и заколола так, что несколько прядей падали на шею, и шла она не торопясь, чуть наклонив голову, как ходят люди, которые идут по знакомому месту и думают о своем.

За ней, шага на два позади, шел молодой человек в светлом пиджаке и серой кепке. Кепку он не снял, хотя в ресторанах это не принято, и смотрел он не на зал, а себе под ноги.

– Второй в кепке, – сказал у меня в наушнике голос Матвея. – Лет двадцать семь, без оружия, трезвый. Снять кепку отказался вежливо. Пропустил.

– Видишь кого-нибудь? – спросила я, отвернувшись к стене, чтобы никто не заметил, что я разговариваю сама с собой.

– Вижу всех, – сказал Матвей. – Смотри на учительский стол.

Учителя сидели за двумя столами у окна, четвертым и пятым, и до этой минуты за ними было шумно и весело, как бывает только у людей, которые одиннадцать лет ждали этого вечера не меньше выпускников. Пожилая учительница математики в люрексе первой подняла голову и увидела желтый плащ. Она не вскрикнула, нет. Она просто перестала говорить на середине слова, и ее соседка, которая слушала ее, тоже повернулась к проходу. Через несколько секунд за четвертым столом молчали все, а за пятым кто-то тихо, но отчетливо сказал:

– Господи. Марина.

Слово пошло по залу дальше, как круги по воде. Я слышала, как его повторяют за соседними столами, сначала с вопросом, потом шепотом, а потом и вовсе без звука, одними губами. Родители, которые Марину не знали, оборачивались, чтобы понять, на что все смотрят. Выпускники, сидевшие ближе к сцене, сначала ничего не замечали, но потом одна девочка из одиннадцатого «А» встала, чтобы лучше видеть, и тут же села обратно, закрыв рот ладонью.

Ирина дошла до четвертого стола, остановилась у стула, перед которым стояла карточка с именем ее сестры, и посмотрела на фотографию в рамке. Смотрела она долго, может быть, секунд пять, а может быть, мне так показалось, потому что в зале в эти секунды не звенела ни одна вилка. Потом она сняла плащ, повесила его на спинку стула и села. Молодой человек в кепке сел рядом с ней, на место с точно такой же карточкой, и положил руки на скатерть.

Звон раздался со стороны главного стола. Директор Зимин стоял с поднятой рукой, в которой только что был бокал, а бокал лежал у его ног, и шампанское растекалось по паркету к ботинкам Ремезова. Директор смотрел на четвертый стол, и лицо у него стало совсем белым. Официантка бросилась собирать осколки, кто-то из родителей засмеялся и сказал «на счастье», но никто его не поддержал.

Ремезов не стал смотреть ни на осколки, ни на директора. Он достал из кармана телефон, сказал соседям что-то короткое и пошел к выходу, не быстро, но и не останавливаясь, когда его окликали по имени. У дверей он прошел мимо Матвея так близко, что задел его плечом, и даже не извинился.

– Ремезов вышел звонить, – сказал Матвей в наушнике. – На террасу. Иду за ним.

– Не надо за ним. Ты нужен мне на входе.

– Я с террасы вижу вход, – сказал Матвей, и я поняла, что он уже идет.

А Лариса Николаевна поднялась из-за пятого стола. Она стояла и смотрела на Ирину, держась рукой за спинку стула, и я увидела, как у нее дрогнули губы, будто она хотела что-то

сказать и не смогла. Потом она медленно, обходя стулья, подошла к четвертому столу, остановилась за спиной у Ирины и положила руку ей на плечо. Ирина подняла голову.

– Ира, – сказала Лариса Николаевна. Голос у нее сорвался на первом же звуке. – Ирочка, господи, что же ты делаешь. Я же чуть не умерла.

Она обняла ее сзади, прямо через спинку стула, прижалась щекой к рыжим волосам и заплакала громко, не стесняясь. Ирина сидела неподвижно и только через некоторое время подняла руку и погладила ее по запястью.

– Это сестра, – сказала Лариса Николаевна, ни к кому не обращаясь, а потом громче, на весь учительский стол: – Это Ира, сестра Марины. Они похожи, вы же помните. Господи, как похожи.

За столами выдохнули. Я услышала, как кто-то нервно засмеялся, как учительница математики сказала «а я-то думала», как зазвенели наконец вилки. Слово «сестра» пошло по залу тем же путем, что и слово «Марина», только быстрее. Через минуту за дальними столами уже снова говорили о поступлении, о платьях и о том, что горячее задерживают.

Я смотрела на Ирину. Ирина смотрела на главный стол. Секунда, о которой она говорила в кафе, прошла, и Лариса Николаевна отняла у нее все остальное, но Ирина не выглядела разочарованной. Она выглядела так, как выглядит человек, который увидел то, что хотел увидеть.

Лев Аркадьевич, надо отдать ему должное, ничем не показал, что в зале что-то случилось. Он дождался, пока официантка унесет осколки, и поправил бабочку.

– Посуда бьется к счастью, дорогие мои, – сказал он в микрофон. – Выпускники будут счастливы, а Виктору Павловичу придется заплатить за бокал.

Зал засмеялся уже по-настоящему. Зимин тоже улыбнулся, но улыбка у него вышла такая, что лучше бы он не улыбался.

В семь ровно, как и обещала помощница, приехал Бахметьев. Я знала его по фотографиям в новостях, но в жизни он оказался ниже, чем я думала, и моложе. Ему было лет пятьдесят, он был в темно-синем костюме без галстука, с аккуратной сединой на висках, и шел он через зал так, как будто не хотел никому мешать. Жена шла рядом с ним, красивая и очень спокойная, а за ними, на полшага сзади, шел Жилин в черном пиджаке. Бахметьев пожал руку директору, сказал ему что-то, от чего Зимин закивал и снова вспотел, поздоровался за руку с подошедшим Ремезовым, помахал сыну, который сидел с классом, и сел за свой отдельный стол, тот самый, ради которого мы двигали родительский комитет.

Жилин за стол не сел. Он встал у колонны, откуда был виден весь зал, сложил руки перед собой и с этой минуты не двигался. Я несколько раз за вечер смотрела в его сторону, и каждый раз он смотрел не на Кирилла, которого должен был охранять, и не на своего хозяина. Он смотрел на четвертый стол.

– Жилин видит Ирину, – сказала я в микрофон, отойдя к служебной двери.

– Жилин видит всех, – ответил Матвей. Он уже вернулся на вход. – Ремезов звонил кому-то две минуты, говорил мало, в основном слушал. Потом сказал «понял» и вернулся. Номер я не видел.

Директор Зимин сказал речь. Он держал листок обеими руками, но руки все равно дрожали, и он два раза терял строчку и начинал предложение заново. Выпускникам он пожелал оставаться людьми, родителям сказал спасибо за терпение, учителям за труд, и ни разу не посмотрел в сторону окна. Потом к микрофону вышел Бахметьев. Говорил он без бумажки, недолго и хорошо, так хорошо, что даже я, стоявшая у служебной двери с двумя телефонами и наушником, на минуту заслушалась. «Через десять лет этим городом будете управлять вы, – сказал он выпускникам. – Надеюсь, честнее, чем мы». Ему долго хлопали, а Кирилл за столом выпускников покраснел и опустил голову.

Медали вручали в половине восьмого. Директор называл фамилии, выпускники выходили на сцену, Бахметьев, которого попросили остаться на вручение, вешал каждому медаль

на шею и жал руку. Золотых медалей было пять. Кирилла Бахметьева вызвали третьим, и отец надел медаль на сына так же спокойно, как на всех остальных, и так же пожал ему руку, но зал хлопал громче. Аня Кольцова сидела за столом и хлопала вместе со всеми, ровно и вежливо, и ни разу не посмотрела на сцену.

Без двадцати восемь Лев Аркадьевич вышел на середину зала, и музыка стихла.

– Дорогие мои, – сказал он, и голос у него стал другой, тише и ниже. – Год назад этот класс потерял своего классного руководителя. Многие из вас знали Марину Олеговну Ветлугину. Ее ученики сегодня получили аттестаты. Я прошу всех встать и помолчать одну минуту.

Зал встал, со скрипом стульев и шорохом платьев, а потом наступила такая тишина, что я услышала, как за окном по Волге идет буксир.

Костю я предупредила заранее. Матвей попросил, чтобы во время минуты тишины Костя снимал не сцену и не ведущего, а зал, все лица подряд, медленно, слева направо, и Костя стоял сейчас на маленькой лесенке у бара с камерой на плече и делал вид, что снимает общий план. Я тоже смотрела на зал, хотя и понимала, что одними глазами увижу меньше, чем Костина камера.

Ирина стояла у своего стула, прямая, опустив руки, и смотрела перед собой. Лариса Николаевна стояла рядом с ней и держала ее за локоть, а по щекам у нее текли слезы, и она их не вытирала. Молодой человек в кепке стоял, но кепку так и не снял. Зимин стоял у главного стола и обеими руками держался за его край, как держатся за поручень в автобусе, когда водитель резко тормозит. Ремезов стоял с телефоном в руке и смотрел на часы. Бахметьев стоял, наклонив голову, как стоят люди, которые много раз в жизни стояли на чужих похоронах и знают, как это делается правильно. Кирилл смотрел не в пол, а на Аню Кольцову, а она смотрела на фотографию в рамке на четвертом столе.

Один Жилин не встал. Он и так стоял у колонны, и за эту минуту не изменилось ничего, кроме того, что он перестал смотреть на четвертый стол и стал смотреть на главный.

Минута кончилась. Лев Аркадьевич сказал «спасибо», заиграла музыка, сначала тихо, а потом все громче, и вальс выпускников начался почти вовремя, всего с шестиминутным опозданием.

Пока пары кружились по залу, Лариса Николаевна нашла меня у служебной двери. Глаза у нее были красные, а тушь она уже успела стереть салфеткой, и от этого лицо казалось усталым и немного беззащитным.

– Это вы ее посадили, да? – спросила она без всякого упрека. – Я понимаю, Ира вас попросила. Она с похорон такая, все ищет, кто виноват. А кто виноват, если человек ночью пошел на мокрые доски? Мы все виноваты, что не пошли за ней.

– Она просила никому не говорить, – сказала я. – Простите.

– Да что вы, за что. – Она махнула рукой. – Я ей потом сама скажу, что так нельзя, что у Виктора Павловича сердце. А салют у вас во сколько, в половине пятого? Ира, может быть, приедет на набережную посмотреть, она любила, когда салют над водой. Марина любила, – поправилась она и опять поднесла салфетку к глазам.

Я сказала, что в половине пятого, и она пошла обратно к своему столу. Лев Аркадьевич, который в это время стоял рядом со мной и пил воду из бутылки, проводил ее взглядом.

– В прошлом году она тоже плакала, – сказал он задумчиво. – Только позже, уже под утро, когда Марину хватились. А до этого у меня весь вечер кто-нибудь пропадал. То директор уйдет курить и не вернется, то завуча не могут найти к напутствию, то родительский комитет в полном составе на террасе. Я напутствие переносил два раза.

Он допил воду и пошел объявлять конкурс, а я осталась стоять у двери и думать о том, что за весь этот вечер ни разу не видела, чтобы Ирина плакала.

Ирина ушла в начале девятого, как и обещала. Она надела свой желтый плащ, поцеловала Ларису Николаевну в щеку, прошла через зал, ни на кого не глядя, и у дверей остановилась

рядом с Матвеем. Матвей потом сказал, что она его поблагодарила и попрощалась, больше ничего. Бахметьев уехал через десять минут после нее, с женой, не попрощавшись ни с кем, кроме директора. Жилин остался.

А молодой человек в кепке не ушел. Он пересел к бару, заказал воду и сидел там, повернувшись к залу спиной, но так, чтобы видеть зал в зеркале за стойкой. Я хотела подойти к нему, но меня перехватила Настя.

– Василиса Андреевна, – сказала она шепотом, и глаза у нее были круглые. – Директор просит, чтобы ему наливали не шампанское, а водку. Говорит, у него давление и ему врач разрешил. Наливать?

Я посмотрела на главный стол. Зимин сидел, опустив плечи, и смотрел в пустую рюмку, которую, видимо, кто-то уже успел ему налить. Рядом с ним сидел Ремезов и что-то говорил ему в самое ухо, а Зимин кивал, не поднимая глаз.

– Наливай, – сказала я. – Только понемногу и не чаще, чем раз в полчаса. Если будет просить больше, зови меня.

Настя кивнула и побежала к бару. Я смотрела ей вслед и видела, как молодой человек в кепке поднял голову, увидел в зеркале директора и повернулся на табурете. Зимин в эту секунду тоже поднял глаза от рюмки. Они смотрели друг на друга через весь зал, и директор во второй раз за вечер стал белым как скатерть.

– Матвей, – сказала я в микрофон. – Директор узнал парня в кепке.

– Вижу, – сказал Матвей. – И он его тоже.

Глава 5. Рассвет по расписанию

Банкет закончился в половине второго, на двадцать минут позже, чем было в тайминге, и это было почти чудо, потому что выпускные никогда не заканчиваются вовремя. Последний медленный танец Лев Аркадьевич объявил трижды, и трижды выпускники кричали «еще один», а родители смотрели на часы и делали вид, что тоже хотят еще один. Потом мы начали выводить всех на набережную, к причалу, где уже горел огнями «Верхневолжье», и капитан Геннадий Ильич стоял у трапа в белой фуражке с таким видом, будто сейчас будет принимать парад.

Посадку мы проводили по списку. Настя стояла у трапа с планшетом, я рядом с ней, Матвей чуть в стороне, у фонаря, откуда было видно и трап, и набережную. Выпускники шли первыми, шумные, в помятых платьях и с расстегнутыми воротниками, за ними родители, потом учителя. Кирилл Бахметьев поднялся на борт вместе с одноклассниками, а Жилин шел за ним в двух шагах, и Настя, отметив Кирилла, растерянно посмотрела на меня, потому что Жилина в списке не было.

– Он с Бахметьевым, – сказала я. – Отметь отдельно.

Жилин прошел мимо нас, не взглянув ни на кого, и только у самого трапа повернул голову в сторону Матвея. Матвей не пошевелился.

Парень в кепке пришел одним из последних. Он показал Насте приглашение на имя Ветлугиной, и Настя опять посмотрела на меня, на этот раз с испугом.

– На теплоход приглашение тоже действует, – сказал он спокойно. – Там так написано, банкет и прогулка.

Там действительно так было написано, потому что текст приглашения сочиняла я. Я оглянулась на Матвея, и он чуть заметно кивнул.

– Лучше пусть будет на борту, где мы его видим, чем на берегу, где не видим, – сказал он мне потом, когда парень поднялся по трапу. – С теплохода до шести никто никуда не денется.

Капитан пересчитал всех по головам сам, не доверяя Настиному планшету, и сказал, что на борту сто пятьдесят четыре человека, считая нашу команду, а жилетов сто восемьдесят, так что жить можно. В два тридцать две «Верхневолжье» отошел от причала. Костя снимал с верхней палубы, как уплывают огни набережной и машут с причала родители, которые не поехали с нами.

Теплоход был старый, но ухоженный. Внизу был салон со столами и баром, где мы поставили фрукты, воду и шампанское для родителей, а наверху открытая палуба с перилами, лавками вдоль бортов и небольшой площадкой на носу, где диджей уже включил музыку. Корма была отделена от палубы рубкой, и туда, за рубку, вела узкая лесенка, потому что на корме стояли спасательная шлюпка и ящики с канатами, и пассажирам ходить туда не полагалось. На лесенке висела цепь, такая же, как на мостках к старому дебаркадеру.

Первый час прошел спокойно. Выпускники танцевали на носу, родители сидели в салоне, учителя устроились на лавках у рубки, с подветренной стороны, кутаясь в пледы, которые мы привезли с собой. Над Волгой стояла та короткая июньская ночь, которая и не ночь вовсе, а просто сумерки, растянутые на три часа, и вода была светлее неба.

Директор Зимин сидел в салоне. Я спускалась туда несколько раз проверить бар и каждый раз видела его за одним и тем же столом, у окна. Сначала он сидел один и смотрел в темное стекло. Потом к нему подсел Ремезов, потом подошла Лариса Николаевна с пледом на плечах. Зимин говорил громко, размахивал рукой, и рука у него была уже нетвердая. Лариса Николаевна гладила его по рукаву и что-то отвечала, наклонившись к нему, а Ремезов сидел прямо и молча, как сидят на совещании, которое никак не кончается. Что они говорили, я не слышала,

потому что в салоне играла музыка, а подходить ближе я не стала. Директор лицея, который выпил лишнего на выпускном, – не повод для агентства лезть с вопросами.

У бара меня ждала Настя.

– Он опять просит, – сказала она шепотом. – Я ему в последний раз наливала полчаса назад, как вы сказали. А у него, по-моему, еще и своя фляжка есть. Я видела, как он доставал.

– Больше не наливай, – сказала я. – Скажи, что водка кончилась. Предложи чай с лимоном.

– А если он скандалить начнет?

– Тогда позовешь меня.

Скандалить он не начал. Минут через двадцать, около половины четвертого, я стояла на верхней палубе у правого борта, смотрела, как светлеет небо над лесом, и думала о том, что до салюта час, а пиротехник с баржи до сих пор не отписался, все ли у него готово. Внизу, у лестницы, которая вела из салона на палубу, я увидела директора. Он стоял, держась за перила, а перед ним стоял парень в кепке и что-то говорил, негромко, но настойчиво, и держал директора за рукав. Директор пытался высвободить руку, но не очень старался, и было видно, что он слушает.

Потом директор вдруг выпрямился и сказал громко, так, что я услышала сквозь музыку:

– В понедельник! Я сказал тебе, в понедельник!

Он выдернул рукав и пошел, пошатываясь, вдоль борта в сторону кормы. Парень в кепке остался стоять у лестницы, глядя ему вслед, а потом снял наконец кепку, провел рукой по волосам и надел ее обратно. Лицо у него было не злое, а растерянное, как у человека, который получил то, что хотел, и теперь не знает, что с этим делать.

– Матвей, – сказала я в микрофон. – Директор только что поругался с кепкой. Директор ушел к корме, кепка стоит у лестницы.

– Вижу кепку, – ответил Матвей. Он был на носу, у диджея, откуда смотрел за выпускниками. – Директора не вижу. Что они говорили?

– Я слышала только «в понедельник». Директор кричал, что в понедельник.

Матвей помолчал.

– Запомни это, – сказал он.

Пиротехник наконец написал: «Все готово, ветра нет, начинаю ровно в 4:30». Я передала это капитану.

– К четырем двадцати подведу к плотине, – сказал Геннадий Ильич. – Встану на якорь в трехстах метрах от баржи. И видно, и не опасно.

Лев Аркадьевич, который весь вечер держался на одной воде и кофе, собирался объявить салют в четыре двадцать пять, а после салюта, в четыре пятьдесят, по программе был тост директора за рассвет. Он посмотрел вниз, в сторону салона.

– Если директор к тому времени не сможет говорить, тост скажу я, – сказал он. – А ему дам подержать бокал.

В десять минут пятого я спустилась в салон за бутылкой воды для Льва Аркадьевича. Директора за столом уже не было. Ремезов сидел один и смотрел в телефон, а Ларису Николаевну я встретила на лесенке, ведущей на корму. Она стояла на ступеньке ниже цепи, спиной ко мне, прижав телефон к уху, и говорила тихо и быстро. Когда я прошла мимо, она обернулась, кивнула мне и показала на телефон, словно извиняясь.

– Ире звоню, – сказала она, прикрыв трубку ладонью. – Про салют. Пусть посмотрит с набережной, раз уж с нами не поехала.

Я кивнула и пошла дальше.

В четыре двадцать теплоход встал. Мотор затих, и сразу стало слышно, как плещет вода о борт и как на берегу, в деревне за плотиной, кричит петух. Капитан по нашей просьбе погасил на палубе почти все огни, чтобы салют было лучше видно, и все, кто был на борту, потяну-

лись на нос и к левому борту, откуда открывался вид на баржу. Выпускники встали у перил плотной толпой, обнимая друг друга за плечи, родители сзади, с телефонами наготове. Костя забрался на крышу рубки, чтобы снимать поверх голов, и капитан, к моему удивлению, ему это разрешил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.